

А. С. Домченко
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ЭКСПАНСИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Рассматриваются проявления самодостаточного характера исполнительной власти, определяющие ее роль и значение в системе публичной власти. Кроме того, обосновывается идея о естественном возрастании исполнительной власти, выявляется ряд типичных и эксклюзивных форм ее экспансии, среди которых отдельно исследуются: 1) формирование подведомственной среды посредством распространения дисциплинарных моделей, присущих внутриорганизационной деятельности органов исполнительной власти, на ее внешнеуправленческую деятельность; 2) заимствование моделей административной деятельности органами иных ветвей власти (законодательной и судебной), что характерно для нетипичных ситуаций.

В связи с проблемой административных трансформаций публичного правопорядка особое внимание уделено критике новых концепций в административной науке, чуждых ее сущности и фундаментальному предназначению, а значит, методологически ошибочных. Автор приходит к выводу о необходимости увидеть за случайно попавшими в фокус исследовательской практики явлениями объективные закономерности, тем самым возвратившись к административному праву, его первооснове – исполнительной власти.

Ключевые слова: разделение властей, самодостаточность исполнительной власти, экспансия исполнительной власти, административные трансформации правопорядка, административное право

Для цитирования

Домченко А. С. Экспансия исполнительной власти как объективная закономерность развития публичного правопорядка // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 63–71. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_63.

УДК 342.92

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_63

Принцип разделения властей не только характеризует взаимоотношения и взаимодействие органов разных ветвей государственной власти, но и реализуется в определенных пропорциях внутри исполнительной власти. Результаты правительственного и ведомственного нормотворчества развивают, детализируют, нередко подменяют законоположения; органы исполнительной власти выполняют квазисудебные функции, рассматривая и разрешая многочисленные дела (к примеру, на основании КоАП РФ, таможенного, налогового, антимонопольного законодательства); исполнительно-распорядительная деятельность в комментариях не нуждается:

в ней – сущность исполнительной власти. Значит, если последовательно соотнести правотворчество с политикой, правосудие с правом, администрирование с управлением, становится ясно, что все три элемента представлены в исполнительной власти, отсюда и масштаб ее влияния на многочисленные сферы деятельности, регулятивные механизмы. С точки зрения элементарного рассмотрения (морфологии) исполнительной власти можно также представить ее как «установление набора способов влияния на социальную среду, необходимого и достаточного для достижения целей и задач выработанной административной политики» [Осинцев 2019: 31].

При этом распространенные в юридической науке мнения по поводу производного и вторичного характера исполнительной власти по отношению к двум другим ветвям государственной власти [Общая теория права и государства 2001: 382; Бобылев, Горшкова, Ивакин 2003: 73–76] не опровергают ее самодостаточности, проявляющейся, в частности, следующим образом.

Во-первых, исполнительная власть непрерывно реализуется многочисленными субъектами, которые наделены широким кругом полномочий (нормотворческих, правоприменительных, юрисдикционных) по различным предметам ведения, способны реально осуществлять государственное управление, обладают для этого значительными ресурсами: финансовыми, кадровыми, материально-техническими, информационными.

Во-вторых, органы исполнительной власти обеспечивают реализацию законодательной продукции, исполнение судебных актов, их деятельность в основном непосредственно направлена на поддержание надлежащего порядка управления и безопасности личности, общества и государства. В целом верно, что смысл деятельности органов исполнительной власти «заключается в обязательном институциональном правообеспечении публичных интересов неограниченного круга субъектов» [Осинцев 2005: 15].

В-третьих, исполнительная власть обладает антикризисным и адаптивным потенциалом, что проявляется в возможности: оперативного реагирования на различные вызовы, угрозы и риски; принятия решений и осуществления действий в условиях любого кризиса, в непредвиденных ситуациях, а также в случаях, когда происходит смена основных государственных стратегий (в сторону развития, стабилизации или деградации).

В идеале органы исполнительной власти должны применять методы административного воздействия как адекватной реакции на ту или иную ситуацию [Осинцев 2014: 73], которая нередко и задает контекст, пределы их реализации, обеспечивает последующую легитимацию. Рисковые и кризисные ситуации соответственно нуждаются в риск-ориентированных и антикризисных мерах, смена государственных стратегий обеспечивается применением методов административной политики.

В связи со сказанным представляет интерес следующее наблюдение К. Шмитта: «Государство управления может ссылаться на объективную необходимость, существующее положение, давление обстоятельств, требования времени, находить другие оправдания, определяемые не нормой, а ситуацией... И государство правительства, и государство управления придают особое значение конкретному приказу, подлежащему немедленному осуществлению или исполнению. Они кладут конец прениям адвокатов, сопровождающим государство правосудия, как и столь же бесконечным дискуссиям парламентского законодательного государства...» [Шмитт 2013: 229].

В-четвертых, исполнительная власть несет «финальную» ответственность за социально-экономическое развитие государства и общества [Жамбиева 2013: 20], ее органы претворяют в жизнь государственные стратегии (определенный политический курс общественного развития), обеспечивают надлежащие условия для деятельности в области здравоохранения, образования, промышленности, экологической безопасности, социальной инфраструктуры, сервиса и т. д. Действительно, «современные экономические, политические и иные социальные процессы не представляются в отрыве от деятельности органов исполнительной власти. Правовое обеспечение данных общественных сфер опосредуется в процессе административной деятельности. Органы исполнительной власти путем методов административного воздействия способны установить и поддержать публичный порядок, необходимый как для функционирования государственных органов, так и для сохранения социальной стабильности» [Соболев 2018: 101].

Описанные проявления самодостаточно характера исполнительной власти обеспечивают возрастание ее значения и влияния. В связи с этим можно сделать вывод об экспансии такой власти как ее свойстве и соответственно об объективной закономерности существования и развития публичного правопорядка. Однако возникают два вопроса: в каких условиях происходит экспансия исполнительной власти, занимающей (в частности, в актуальном российском правопорядке) главенствующее положение, и каковы основные формы данной экспансии?

Говоря об условиях расширения сфер влияния, возрастания роли и значения исполнительной власти, считаем верным привести позицию А. А. Анисимова. Он писал, что «процесс расширения власти чиновничества связан с падением роли законодательных органов. Все большая концентрация государственных дел в руках исполнительного аппарата усиливает „чиновничье правление“... За кулисами парламентов, за спиной назначаемых ими премьеров и министров, армия чиновников, рассредоточенная по министерствам, штабам, комитетам, департаментам, бюро, конторам, канцеляриям, комиссиям и т. д., обладая огромной реальной властью, вершит государственные дела...» [Анисимов 1970: 5–6.]. Иначе говоря, налицо основание – падение роли законодателя, и следствие – концентрация неограниченной власти в бюрократическом аппарате. Однако экспансия исполнительной власти возможна и при наличии «сильного» парламента, развитой системы независимых судов, институтов гражданского общества, которые способны лишь частично сдерживать возрастание власти исполнительной, поскольку ее экспансия естественна, объективна, в ряде случаев необратима, тогда как различные механизмы сдерживания имеют временный и условный характер.

Независимо от географических рамок административная власть, частным случаем (современной версией) которой предстала власть исполнительная, является ровесницей человечества, в то время как российскому парламентаризму немногим более ста лет (если началом отсчета признать 1906 г. – год избрания Государственной думы Российской империи I созыва). Развитая система российских судов относительно молода и, несмотря на тысячелетнее существование отечественного суда, берет начало с 1864 г. (вернее, с 1899 г., когда завершилась Судебная реформа Александра II). В свою очередь многие институты гражданского общества находятся на стадии формирования, зачастую встречающего активное сопротивление государства и, как ни парадоксально, самого российского общества.

Учитывая сказанное и то обстоятельство, что абсолютизм и формы правления в предшествующие периоды преимущественно предполагали концентрацию всей полноты

власти в одних руках, в едином центре, можно выдвинуть такую гипотезу: организация и деятельность органов законодательной и судебной власти являются не результатом воплощения в жизнь концепции разделения властей, а следствием масштабного делегирования функций и полномочий, произошедшего в результате уступок суверена, с одной стороны, конкурирующим с ним заинтересованным группам лиц, с другой – подданным (гражданам). Об этом свидетельствуют более чем тысячелетняя история и сам феномен публичной власти. Между тем власть исполнительная, как наиболее древняя и жизнеспособная, не сравнимая с другими по своей силе и убедительности, пусть и претерпела определенные трансформации, по существу осталась прерогативой главы государства, правительства, подконтрольных им ведомств (финансовых, милитаризированных, иных). Недаром

Динамичное и противоречивое развитие общественных отношений и деятельности, экстраординарные ситуации обусловили мобильность, оперативность исполнительной власти, раскрыли в полной мере ее адаптивный и антикризисный потенциал, став определенными основаниями для ее дальнейшей экспансии

французский историк Поль Виолле утверждал, что «современное государство есть не что иное, как король последних веков, который с триумфом и не покладая рук продолжает свой упорный труд» [Viollet 1912: VIII].

Более того, динамичное и противоречивое развитие общественных отношений и деятельности, экстраординарные ситуации (кризисы, конфликты, угрозы, катаклизмы) обусловили мобильность, оперативность исполнительной власти, раскрыли в полной мере ее адаптивный и антикризисный потенциал, став определенными основаниями для ее дальнейшей экспансии.

Таким образом, корректнее вести речь об условиях не просто экспансии исполнительной власти, а ускорения этой экспансии (как, например, в период пандемии коронавируса COVID-19, цифровизации общества и государства, изменения курса политического руководства) или ее замедления, сдержива-

ния (в обстановке относительной социальной стабильности, при повышении уровня общей и правовой культуры населения, правосознания, благосостояния граждан и т. д.).

Стоит при этом подчеркнуть, что сама по себе экспансия исполнительной власти носит нейтральный характер по отношению к субъективным ожиданиям, различным сценариям: она не патологична, не детерминирует бюрократизм и коррупцию, не направлена на установление авторитарно-бюрократического режима, с которым ряд исследователей ассоциирует современную политическую действительность в России [Матузов, Малько 2014: 82]. Другое дело, когда возрастающая власть находится в руках непрофессионала или делинквента (хотя главная задача – в установлении такого порядка властвования, который бы не зависел от качеств и предпочтений индивида, для чего необходимы проработанные пределы и механизмы устранения произвола, в том числе административного).

Экспансия исполнительной власти имеет множество форм, самыми очевидными из которых являются:

возникновение (создание) ее новых органов, расширение их функций и компетенции как во внешнефункциональных (внешнеуправленческих), так и во внутриорганизационных (внутриаппаратных) отношениях (например, Конституционный Суд РФ в абз. 2 п. 4.1 Заключения от 16 марта 2020 г. № 1-3 указал, что роль председателя Правительства РФ в формировании Правительства РФ только усиливается);

увеличение числа государственных служащих, задействованных в осуществлении исполнительно-распорядительной деятельности;

делегирование исполнительно-распорядительных полномочий лицам, не наделенным публичной властью, в том числе путем реформативного воздействия методов административно-правового воздействия (методов лицензионно-разрешительной деятельности – в методы саморегулирования с одновременным усилением административного контроля; методов правоохранительной деятельности – в методы привлечения граждан и организаций к участию в охране общественного порядка; методов административного содействия – в методы общего покровительства волонтерской деятельности и т. п.);

развитие существующих и реализация новых правовых и неправовых средств: разнообразных административных актов (постановлений, приказов, распоряжений, правил, положений, инструкций, регламентов, стандартов, писем и т. д.); инструментов стратегического планирования; цифровых технологий и др.

Кроме того, есть эксклюзивные, хотя и не столь явные формы экспансии, посредством которых исполнительная власть преодолевает собственные всевозможные пределы в организации и функционировании, ассимилируя все иные институты и сферы деятельности. К указанным формам экспансии исполнительной власти могут быть отнесены следующие.

1. *Формирование подведомственной среды посредством распространения дисциплинарных моделей, присущих внутриорганизационной деятельности органов исполнительной власти, на ее внешнеуправленческую деятельность*

Речь в таком случае идет о замещении линейного подчинения (по типу «руководитель – подчиненный») подчинением функциональным (по типу «инспектор – подконтрольный») [Бахрах 1993: 64–65], в свою очередь вновь приобретающим характер линейного (линейно-функционального). Названная форма экспансии не является типичной лишь для системы государственного управления в СССР, в котором руководство и всеобъемлющий контроль в большей мере совпадали. В Российской Федерации сегодня также наблюдаются формализация и выстраивание функциональных связей, приобретающих характер линейного подчинения, между властными и подвластными субъектами, для чего принимаются различные административные акты, превращающие один вид связи (подчинения) в другой, в целях не просто упорядочения общественных отношений, но прежде всего дисциплинирования их участников. В связи со сказанным акт органа исполнительной власти (административный акт) может и должен рассматриваться в качестве акта дисциплинарного установления, поскольку относительно ограниченные группы субъектов подпадают под его воздействие в результате стремления формализовать структуру, корпорацию там, где нет организационной основы.

Значит, нормирование построено на фикции, гласящей: «Субъект должен быть подчинен правилам организации, тогда как организации нет». Организацию в таком смысле олицетворяет иерархия, связь властного и подвластного субъектов. Это напрямую следует из суждения о том, что «в своей деятельности администрация обязана придерживаться трех основных правил: непрерывности, иерархичности и самостоятельности» [Административное право зарубежных стран 1996: 92], и согласуется с тем обстоятельством, что административное право «не касается вопросов государственного устройства и различные государственные учреждения изучает не с точки зрения их организации, а со стороны их деятельности» [Дерюжинский 1903]. Для этого необходимо использовать определенные методы деятельности [Советское административное право 1977: 12–13], которые взаимоувязываются, задаются исчерпывающим образом посредством реализации административно-правовых моделей нормирования деятельности, находящих выражение в административных актах.

Непрерывность деятельности органов исполнительной власти, их регулярное взаимодействие с подведомственной средой обуславливают установление устойчивых связей, характерных для внутриведомственных отношений. Из этого следует наибольшая вероятность переноса схем, шаблонов, алгоритмов и технологий деятельности, сложившихся внутри того или иного ведомства, в деятельность подвластных субъектов – адресатов универсального правила: «Делайте, как делаем мы». Трансформация функционального подчинения в подчинение линейного типа, таким образом, означает прочную увязку правового положения звеньев, находящихся на разных ступенях иерархии управления, без которой немислимо подлинное единство его системы [Алехин 1977: 135].

В качестве дополнительного обоснования изложенной позиции приведем следующее рассуждение А. А. Зиновьева: «Приказание может быть таким, что для его исполнения требуется множество людей, множество действий, распределение обязанностей, порядок действий, качество исполнения. Когда такое отношение между имеющими власть и подвластными становится регулярным, проис-

ходит разделение функции выработки и отдачи приказаний, с одной стороны, и функции управления процессами исполнения приказаний. Вторая обособляется в качестве особого компонента сложного феномена власти» [Зиновьев 2004: 157].

Между тем однородность подвластной среды ускоряет экспансию дисциплинарной власти. Д. Н. Бахрах справедливо указывал, что «подчинение субъектов, занятых однородной деятельностью, единому центру на основе линейного начала означает создание линейно-производственных систем управления. Чаще всего системообразующим фактором в линейно-производственных системах служит конечный результат труда – определенная материальная или духовная продукция» [Бахрах 1981: 31].

2. Заимствование моделей административной деятельности органами иных ветвей власти (законодательной и судебной)

Данная форма экспансии характерна для кризисов и угроз. Так, ситуация, сложившаяся в России в связи с пандемией коронавируса COVID-19, в публично-правовой сфере демонстрирует ряд существенных трансформаций, особо затронувших организацию и деятельность законодательной и судебной ветвей государственной власти.

Российский парламент заработал в режиме оперативного регулирования, устанавливая комплексы предписаний, характерных для сферы публичного управления. Это проявилось в принятии сугубо управленческих (содержательно) актов в форме законов по ускоренному и относительно гибкому порядку, свойственному административному нормотворчеству. К примеру, в один день проходят все три чтения законопроекта Государственной Думой, в тот же день соответствующий закон одобряется Советом Федерации (см.: законопроект № 929651-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Российские суды столкнулись как с изменением режима (дистанционное правосудие) и объема деятельности (например, в части рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), так и с преобладанием в ней административного компонента (судьи не толь-

ко независимые отправители правосудия, но и исполнители, находящиеся в линейном подчинении у своего руководителя). В качестве приоритетного на повестку дня вынесен вопрос, ранее касавшийся лишь организационно-технического обеспечения правосудия (организации и управления, делопроизводства и формата взаимодействия, контроля и подчиненности). Примечательно, что внутриорганизационные отношения в судебной системе и ранее включались рядом исследователей в предмет административного права, однако в контексте рассмотрения вспомогательной, второстепенной деятельности, обеспечивающей отправление правосудия [Конин 2004: 38; Осинцев 2014: 45].

Кроме того, показателен пример существования государственных органов и организаций, которые не относятся ни к одной из ветвей власти, в совокупности с органами исполнительной власти образуют государственную администрацию, организованы и функционируют аналогичным по отношению к административным ведомствам образом (Банк России, ЦИК РФ, Счетная палата РФ, прокуратура, государственные корпорации и внебюджетные фонды и др.). В данном случае речь идет о превращенных формах исполнительной власти, скрывающей себя под различными номенклатурными обозначениями, но содержательно остающейся неизменной, на что, в частности, указывает общность большинства форм и методов осуществления деятельности.

Тем не менее многообразие форм экспансии исполнительной власти остается неизученным, несмотря на оказываемое ею влияние на формирование теоретических воззрений в рамках отечественной административистики, предмет которой претерпел существенные изменения (в их основе – смена управленческих подходов на цивилистические (публичное субъективное право, публичная собственность, государственные и муниципальные услуги, административные договоры) и судебные (административная юстиция, административное судопроизводство). Экспансия исполнительной власти, затронув институты и нормативные конструкции, непосредственно не относящиеся к административному праву, навела некоторых исследователей на ложный след, позволив преходящее и случайное

провозгласить устойчивым и закономерным, модное поименовать актуальным.

Вместо того чтобы сосредоточить потенциал административной науки на публичной администрации и ее центральной части – исполнительной власти, ученые активно стали развивать «фантомные» концепции, являющиеся следствием экстраполяции моделей организации и деятельности публичной администрации на не принадлежащие административному праву феномены (договоры и услуги, собственность, судопроизводство и т. д.). Примечательно, что предметом изучения стал не сам механизм административной трансформации общества и правопорядка, но итог его действия: исследуется не феномен возрастания исполнительной власти, а все то, что им затронуто. Иными словами, вместо отслеживания таких закономерностей, как экспансия исполнительной власти и заимствование моделей ее функционирования органами иных властей, наука административного права наполнилась чужеродными элементами, ставшими результатом осмысления итогов временных и неустойчивых (волнообразных) изменений в публичном правопорядке в условиях, когда идеологема правового, сервисного государства и государства юстиции, разделения властей, парламентаризма и многие другие начали восприниматься как состоявшийся проект, т. е. аксиоматически.

Современные теоретические построения нивелируют выдающиеся достижения дореволюционной и советской административной науки и практики. Теряется аутентичность предмета административного права, неразрывно связанного с исполнительной властью и публичным управлением, сам же разговор о них приобретает характер ретроградный или археологический. Оправданным в данных обстоятельствах, на наш взгляд, является редуцированный подход, позволяющий за случайно попавшими в фокус исследовательской практики явлениями увидеть объективные закономерности (административные трансформации публичного правопорядка). Тем самым можно осуществить, если перефразировать главный лозунг феноменологии, возврат к самому административному праву, его первооснове – исполнительной власти.

Список литературы

Viollet P. Le Roi et Ses Ministres Pendant les Trois Derniers Siècles de la Monarchie. Paris, 1912. VIII. 616 p.

Административное право зарубежных стран: учеб. пособие / отв. ред. А. Н. Козырин. М.: Спартак, 1996. 229 с.

Алехин А. П. Предприятие в системе отраслевого управления (административно-правовые вопросы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 191 с.

Анисимов А. А. Государственное управление в странах капитала. М.: Юрид. лит., 1970. 192 с.

Бахрах Д. Н. Административное право Российской Федерации (России): курс лекций по общей части административного права. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. 139 с.

Бахрах Д. Н. Организационные структуры государственного управления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 6. С. 27–36.

Бобылев А. И., Горшкова Н. Г., Ивакин В. И. Исполнительная власть в России: теория и практика ее осуществления. М.: Право и гос-во, 2003. 304 с.

Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. СПб., 1903. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3734.html> (дата обращения: 19.02.2022).

Жамбиева Е. М. Самодостаточный «иммунитет» административного права // Правовая реформа в России: материалы Всерос. ежегодной науч. конф. молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 9 ноября 2012 года): в 2 ч. / отв. ред. Л. А. Лазутин, В. Ю. Шобухин. Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2013. Ч. 1. 184 с.

Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. СПб.: Нева, 2004. 601 с.

Конин М. Н. Административное право России. Общая и Особенная части: курс лекций. М., 2004. 560 с.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. М.: Дело, 2014. 528 с.

Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 2001. 520 с.

Осинцев Д. В. Административное право: учеб. для среднего проф. образования. М.: Юрайт, 2019. 427 с.

Осинцев Д. В. Методы административно-правового воздействия. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 278 с.

Осинцев Д. В. Система административного права (наука, методология, регламентация): моногр. М.: Инфра-М, 2014. 229 с.

Соболев О. В. Ограничения прав граждан как структурный элемент метода административно-правового воздействия и формы его выражения // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 101–107.

Советское административное право. Методы и формы государственного управления. М.: Юрид. лит., 1977. 336 с.

Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М.: Территория будущего, 2013. 448 с.

Артем Сергеевич Домченко – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики управления Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Expansion of Executive Power as an Objective Pattern of the Development of Law and Order

The author examines the manifestations of the self-sufficient nature of the executive power, which determine its role and importance in the system of public power. In addition, the idea of the natural growth of executive power is substantiated, a number of typical and exclusive forms

of its expansion are identified, among which the following are investigated: 1) the formation of a subordinate environment through the dissemination of disciplinary models inherent in the internal organizational activities of executive authorities to its external management activities; 2) the borrowing of models of administrative activities by bodies of other branches of government (legislative and judicial), which is typical for atypical situations.

In connection with the problem of administrative transformations of public law and order, special attention is paid to the criticism of new concepts in administrative science, alien to its essence and fundamental purpose, and, therefore, methodologically erroneous. The author concludes that it is necessary to see objective patterns behind the phenomena that have accidentally come into the focus of research practice, thereby returning to administrative law itself, and its primary basis – executive power.

Keywords: separation of powers, self-sufficiency of executive power, expansion of executive power, administrative transformations of law and order, administrative law

Recommended citation

Domchenko A. S. Ekspansiya ispolnitel'noi vlasti kak ob"ektivnaya zakonomernost' razvitiya publichnogo pravoporyadka [Expansion of Executive Power as an Objective Pattern of the Development of Law and Order], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 63–71, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_63.

References

Alekhin A. P. *Predpriyatie v sisteme otraslevogo upravleniya (administrativno-pravovye voprosy)* [An Enterprise in the System of Sectoral Management (Administrative and Legal Issues)], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1977, 191 p.

Anisimov A. A. *Gosudarstvennoe upravlenie v stranakh kapitala* [Public Administration in Capital Countries], Moscow, Yurid. lit, 1970, 192 p.

Bakhrakh D. N. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii (Rossii): kurs lektsii po obshchei chasti administrativnogo prava* [Administrative Law of the Russian Federation (Russia): Course of Lectures on the General Part of Administrative Law], Ekaterinburg, 1993, 139 p.

Bakhrakh D. N. Organizatsionnye struktury gosudarstvennogo upravleniya [Organizational Structures of Public Administration], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii, Pravovedenie*, 1981, no. 6, pp. 27–36.

Bobylev A. I., Gorshkova N. G., Ivakin V. I. *Ispolnitel'naya vlast' v Rossii: teoriya i praktika ee osushchestvleniya* [Executive Power in Russia: Theory and Practice of its Implementation], Moscow, Pravo i gos-vo, 2003, 304 p.

Deryuzhinskii V. F. *Politseiskoe pravo* [Police Law], Saint Petersburg, 1903, available at: <http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3734.html> (accessed: 19.02.2022).

Konin M. N. *Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Administrative Law of Russia. General and Special Parts], Moscow, 2004, 560 p.

Kozyrin A. N. (ed.) *Administrativnoe pravo zarubezhnykh stran* [Administrative Law of Foreign Countries], Moscow, Spark, 1996, 229 p.

Lazarev V. V. (ed.) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State], Moscow, Yurist, 2001, 520 p.

Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Delo, 2014, 528 p.

Osintsev D. V. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law], Moscow, Yurait, 2019, 427 p.

Osintsev D. V. *Metody administrativno-pravovogo vozdeistviya* [Methods of Administrative and Legal Influence], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2005, 278 p.

Osintsev D. V. *Sistema administrativnogo prava (nauka, metodologiya, reglamentatsiya)* [The System of Administrative Law (Science, Methodology, Regulation)], Moscow, Infra-M, 2014, 229 p.

Sobolev O. V. Ogranicheniya prav grazhdan kak strukturnyi element metoda administrativno-pravovogo vozdeistviya i formy ego vyrazheniya [Restrictions on the Rights of Citizens as

a Structural Element of the Method of Administrative and Legal Influence and the Form of its Expression], *Vestnik YuUrGU. Ser. Pravo*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 101–107.

Sovetskoe administrativnoe pravo. Metody i formy gosudarstvennogo upravleniya [Soviet Administrative Law. Methods and Forms of Public Administration], Moscow, Yurid. lit, 1977, 336 p.

Shmitt K. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics], Moscow, Territoriya budushchego, 2013, 448 p.

Viollet P. *Le Roi et Ses Ministres Pendant les Trois Derniers Siècles de la Monarchie*, Paris, 1912, VIII, 616 p.

Zhambieva E. M. *Samodostatochnyi «immunitet» administrativnogo prava* [Self-Sufficient «Immunity» of Administrative Law], Lazutin L. A., Shobukhin V. Yu. (eds.) *Pravovaya reforma v Rossii* [Legal Reform in Russia]: conference papers, Ekaterinburg, Izdat. dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2013, 184 p.

Zinov'ev A. A. *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the Way to Super Society], Saint Petersburg, Neva, 2004, 601 p.

Artem Domchenko – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of theory and practice of management, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Дата поступления в редакцию / Received: 19.02.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2022